

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 124.3+130.12

Т.П. Берсенева

СИНЕРГИЯ И СИНЕРГЕТИКА: КАТЕГОРИЯ ИСИХАЗМА И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Прослеживается связь категории исихазма – синергии и современного научного междисциплинарного направления – синергетики, отмечается, что именно синергия в значении совместного действия, взаимодействия различных потенциалов или видов энергий в целостном действии, а в теологии – «сорботания» Божественных и человеческих энергий стала родоначальницей целого понятийного механизма, используемого в современной науке и включающего синергетический подход, синергетический метод исследования, синергетическую парадигму.

Ключевые слова: синергия; исихазм; синергетика; энергия.

Понятие синергии в значении сотрудничества, содружества, совместного действия широко используется в различных сферах деятельности, обычно далеких и от философии, и от научной мысли в целом; это слово встречается в названиях корпораций, банков, журналов, образовательных школ, институтов. Использование этого понятия в медицине (как наименование реакции организма на комбинированное воздействие двух или большего количества лекарственных веществ, значительно превышающее действие, оказываемое каждым компонентом в отдельности), в экономике (условие, состоящее в том, что общий результат превосходит сумму сложенных эффектов), в социологии (совместный труд во всех областях человеческой деятельности как основа общности) и в других областях деятельности позволяет сделать вывод об универсальности этой категории, эвристический и эпистемологический потенциал которой сегодня далеко не исчерпан.

Несмотря на разнообразие сфер, где употребляется понятие синергии, можно выделить две области, в которых его использование правомерно и оправданно. Во-первых, употребление слова «синергия» связано с областью богословской мысли, где была произведена его первичная концептуализация. В православии синергия является ключевым понятием философско-богословских учений, базирующихся на аскетическом опыте и представлении о божественных и человеческих энергиях. Синергия утверждает необходимость «сорботничества», сообразованности, согласованного лада между Божественной энергией (благодатью) и энергией человека (волей) в деле спасения, соединения человека с Богом.

Во-вторых, это естественнонаучные знания. Действительно, в сознании научного сообщества наших дней синергия прежде всего ассоциируется с синергетикой. Но в синергетике, как ни странно, понятие синергии не определяется и не используется, новая наука не ввела его в число своих терминов и концептов. Утвердилась мысль, что греческое слово «синергия» послужило только исходной словоформой для образования современного научного термина «синергетика». Конечно, связь синергии с синергетикой не случайна: как пояснял Герман Хакен – один из создателей синергетики, – эта связь была изначально заложена в идею и название основанной им новой дисциплины: «Я выбрал

тогда слово “синергетика”, потому что за многими дисциплинами в науке были закреплены греческие термины. Я искал такое слово, которое выражало бы совместную деятельность, общую энергию что-то сделать...» [1. С. 53]. Отсюда следует, что, выявляя синергию в синергетике, сначала следует выделить из всего спектра *синергетических* теорий и процессов – *синергийные*, то есть такие, где можно действительно обнаружить согласованное, когерентное действие двух разных видов или потоков энергии, принадлежащих разным источникам. Следовательно, определенные явления и процессы, изучаемые в синергетике, должны иметь свойства, характеризующие *синергией*, даже если это слово понимается лишь интуитивно, не превращаясь в понятие.

Понятие синергии определяется с помощью слов «совместность» и «энергия». В раскрытии смысла синергетики используются практически эти же слова, как писал Г. Хакен: «В синергетике исследуется совместное действие многих подсистем, в результате которого... возникает структура и соответствующее функционирование» [2. С. 15]. Представляется, что процесс взаимодействия энергий, «совместная» направленность энергий для реализации потенциала, актуализации какой-либо возможности является одним из факторов, «сближающих» православную синергию и современную научную методологию – синергетику. Исходя из этого предположения, одной из задач этой статьи стала попытка эксплицировать концепт синергии в синергетике.

Начать необходимо с рассмотрения понятия энергии, которое было введено Аристотелем, затем получило некоторую разработку в неоплатонизме, в дальнейшем же оказалось почти совершенно забытым в истории западной философии. Основной причиной было то, что в латыни термин «энергия» переводили распространенным словом *actus*, имевшим целый ряд значений, и общих (деятельность, дело, движение, действие), и частных (мимика актера или понукание скота).

Понятие «энергия», хотя и не входит в состав десяти категорий Аристотеля, тем не менее играет важную роль в его рассуждениях. В IX книге «Метафизики» Аристотель обращается к анализу понятия «энергия», которое наряду с возможностью (потенцией) и энтелехией (действием, деятельностью, осуществлением) со-

ставляет часть упорядоченного комплекса. А.Ф. Лосев, подробно проанализировав компоненты этой триады в четвертом томе «Истории античной эстетики» («Аристотель и поздняя классика»), отмечал, что именно Аристотелю принадлежит учение о потенции и энергии, которое совмещает идеальное и материальное в одном неразложимом процессе смыслового становления, в едином процессе текучей сущности [3]. Элементы этой структуры упорядочены, и в их порядке энергия выступает средним, промежуточным звеном. Вследствие этого структура содержит в себе, выражаясь математически, свободный параметр.

Е.С. Узкова, рассматривая понятие энергии в Античности и средневековой философии, справедливо отмечает, что сам Аристотель, по-видимому, признавал, что невозможно дать четкое определение понятия энергии и считал разумным путь аналогий. Аналогии проводились им через пары близких понятий [4. С. 33].

Во-первых, Аристотель рассматривал пару энергия – энтелехия. Энтелехия – качественное развитие и продолжение энергии. Безусловно, он разделял эти понятия, но пояснял их одно в контексте другого: «Дело – цель, а деятельность – дело, почему и “деятельность” (energeia) производна от “дела” (ergon) и нацелена на “осуществленность” (entelechia)» [5. С. 246]. То есть термины «энергия», «эргон», «энтелехия» самим Аристотелем характеризовались как родственные по смыслу. Причем их морфологический анализ указывает, что слово «энтелехия» получено из слова «энергия» заменой корня «эргон» – «дело» на «телос» – «цель». Приставка «эн» означает «внутри», и «эн-эргия» – это то, что, пребывая «внутри» дела, работы, позволяет им осуществиться, а «эн-телехия» – это «нахождение в состоянии полной осуществленности». Введя понятие энтелехии, Аристотель довел до совершенства алгоритм проявления всех вещей и явлений как микрокосма, так и макрокосма. Энергия характеризует деятельность, а энтелехия – обретение сущностью своего завершения, конца, телоса, места в иерархии сущего, в гармонии Космоса.

В качестве доказательства этой мысли целесообразно проследить ход рассуждения Аристотеля, приведенный в книге Т.В. Васильевой «Афинская школа философии»: «...строительство дома есть энергия по отношению к возможности построить дом; возможность означает, что дом можно и не строить, этим она отличается от необходимости, но коль скоро строительство идет, мы говорим не о возможности действия, но о самом действии, о его энергии; не будет строительства, не будет и энергии; но строительство идет – и идет оно, уж если идет, к концу, вот почему действие по отношению к возможности этого действия есть не только энергия-дело, но и энтелехия – доведение этой возможности до ее конца, до того момента, когда готовый дом положит конец-телос и возможности строительства этого дома, и ведению строительства, строительным работам, и заботам о том, чтобы в ходе строительства получился именно этот дом, а не что-нибудь другое. Ведь если дом не получится, возможность не будет исчерпана, не будет завершена ни энергия, ни энтелехия» [6. С. 149]. Это означает, что энтелехия – один из основных видов сущностей, в наибольшей мере несущий

в себе качества законченности и оформленности, отдельной и самодовлеющей цельности. Корень слова «телос» означает по-гречески и конец, и цель, так что энтелехия есть достигнутость заранее заданной цели, осуществленность предсуществующей формы. Энергия же здесь предельно сближается с энтелехией: она мыслится применительно к энтелехии и, тем самым, сущности; она понимается как реализующее сущность начало, как завершающий элемент осуществления, выявления определенной сущности. Таким образом, энергия как одна из составляющих в понятии синергии предполагает процесс какой-либо деятельности, стремящейся к реализации определенной цели – энтелехии. Понятие энергии как способности материальных систем совершать работу при изменении своего состояния, непосредственно связанное с законом сохранения энергии, стало использоваться в традиционной науке, уделявшей основное внимание устойчивости, порядку, однородности и равновесию.

Во-вторых, Аристотель рассматривал не только пару энергия – энтелехия, но и пару потенция (возможность) – энергия, когда энергия представляет собой начало, близкое к потенции, она означает не оформление в некую законченную сущность-форму (энтелехию), а исходный импульс, усилие, направляющееся к актуализации некоторой потенции. Доказательство различия потенции и энергии он проводит методом от противного. Если бы энергия и потенция были бы одним и тем же, то никакая вещь не была бы ни холодной, ни теплой, ни сладкой, ни вообще так или иначе чувственно воспринимаемой, в случае, когда она чувственно воспринимается. «Если бы я перестал смотреть на красное, то и краснота сама прекратилась бы. Другими словами, я в одно и то же время должен был бы быть и зрячим, и слепым» [5. С. 35]. Далее, отрицая различие между потенцией и энергией, мы пришли бы к уничтожению изменения и движения. «Если то, что еще не есть, не имеет потенции быть, т.е. не может быть, то значит, оно и вообще не может ничем стать», – комментирует мысль Аристотеля А.Ф. Лосев. Из существующего одно существует только в энергии, другое – в возможности, третье – в возможности и энергии [7. С. 449].

Различие между строящим и строителем, между бодрствующим и дремлющим, между смотрящим и зрячим, который сомкнул глаза, между выточенным из дерева и древесиной, между обработанным и необработанным Аристотель предлагал назвать в первом случае как энергию, во втором как возможность [5. С. 36]. А.Ф. Лосев также различал в примерах Аристотеля об энергии два отношения: «движение к потенции» и «движение к сущности»: «...в одних случаях энергия есть движение вещей, в других – сущность вещи, и это два совершенно разных понятия, имеющих лишь то между собой общее, что оба они состоят в аналогичном отношении к потенции, которая в зависимости от этого также получает двойкий смысл – как потенция движения и как потенция сущности» [7. С. 447]. Таким образом, понятию энергии отводилось у Аристотеля одно из главных мест, и можно только удивляться, что это понятие не было внесено в перечень его категорий, потому что, «...рассуждая в своих трудах о “достоинствах” (свойствах) энергии, философ показывает ее как

высший род бытия, к которому “восходят все его частные стороны и обнаружения”, что соответствует его определению категории [8. С. 263].

Как особое понятие энергия появляется и внедряется на Западе намного позже учения Аристотеля об энергии и первоначально лишь в естествознании и натурфилософии – хотя начала, в той или иной мере родственные энергии, играли значительную роль в отдельных философских учениях, например, у Лейбница. Роль этих родственных и коррелятивных начал: воля, стремление, желание, деятельность, экзистенция – со временем возрастала и в современную эпоху стала важной; однако сама энергия как таковая до сих пор так и не вошла заметным образом в европейскую философию. Здесь, пожалуй, можно сказать только о единственном случае использования категории энергии в культурфилософском знании – об энергетическом объяснении эволюции культуры в теории Л. Уайта [9]. Концепция Л. Уайта интересна, но она не получила широкого распространения.

В итоге в качестве областей, где энергия фигурирует явно и, к тому же, в центральной роли, сегодня можно назвать, пожалуй, всего две нефилософские области, являющие весьма парадоксальное сочетание: исихастское богословие и современную физику.

Представление об энергии связано прежде всего с физикой. Историк естествознания Н.Ф. Овчинников считает, что понятие энергии было выработано в поисках связей между различными формами движения материи в физике. Эти поиски привели к открытию закона сохранения и превращения энергии. Весьма интересным фактом является утверждение Н.Ф. Овчинникова в том, что понятие энергии появилось сравнительно недавно – в середине XIX в.: в механике Ньютона не было этого понятия, его не было и на протяжении почти двухвекового ее развития [10. С. 87].

К середине XIX в. были обнаружены и проанализированы связи и взаимопереходы отдельных явлений, или так называемых «сил» природы. Были открыты и количественно исследованы связи между механическим движением и теплотой (М.В. Ломоносов, позже Б. Румфорд, Б.С. Якоби), химическими явлениями и электричеством (А. Вольт), электричеством и магнетизмом (М. Фарадей, Э.Х. Ленц), магнетизмом и световыми явлениями (М. Фарадей), электричеством и теплотой (Г.И. Гесс). Но обращает на себя внимание тот факт, что ни один из ученых, принимавших непосредственное участие в открытии нового закона, не употреблял термин «энергия». Все они использовали старый термин «сила». Вместе с тем с открытием нового закона становилось все более очевидным, что речь надо вести о выработке нового понятия, которое уже не укладывалось в старые представления об изолированных «силах» природы как внешних источниках движения. В результате научного поиска было выбрано понятие энергии, появление которого относится к значительно более раннему периоду истории – к IV в. до н. э., к философии Аристотеля, а не к XIX в., как пишет Н.Ф. Овчинников. Оказалось, что для тех процессов, которые были открыты в физике XVII–XIX вв., не надо было придумывать новую трактовку категории энергии, так как прекрасно «работал» тот смысл, который был заложен еще Аристотелем,

вернее, его частный случай – совершение какой-либо работы (актуальное действие). При этом остальная семантика этой категории (потенция, возможность) была опущена и не использовалась в науке и была востребована лишь в XX в. И несмотря на все оговорки, пробелы и недостатки, механистическая парадигма и поныне остается для физиков точкой отсчета, образуя центральное ядро науки в целом.

Предметом физики до недавнего времени являлись процессы преобразования энергии, протекающие в замкнутых системах, состоянии которых близко к равновесию. Г. Хакен в начале своей книги «Синергетика» приводит примеры таких систем: выравнивание температуры при контакте холодного и нагретого тел, смешение капли чернил с водой и др. [1. С. 17]. Но, исходя из выводов современной науки, все известные системы, от самых малых до самых больших, являются открытыми и находятся, как правило, в состоянии, далеком от равновесия. Развитие науки подошло в настоящий момент к изучению таких открытых систем, например, в термодинамике неравномерных процессов (И. Пригожин, И. Стенгерс, Н.И. Кобозев), теории катастроф (В.И. Арнольд), синергетике (Г. Хакен).

Авторы указанных теорий не только находят новые аргументы для критики ньютоновской модели, но и показывают, что претензии ньютонианства на объяснение реальности – до сих пор не утратившие силу – совместимы с гораздо более широкой современной картиной мира, а так называемые «универсальные законы» отнюдь не универсальны, а применимы лишь к локальным областям реальности. Суть приводимых И. Пригожиным и И. Стенгерсом аргументов можно было бы резюмировать так: в машинный век традиционная наука уделяла основное внимание устойчивости, порядку, однородности и равновесию. Она изучала главным образом замкнутые системы и линейные отношения. Неудивительно, что при переходе от индустриального общества с характерными для него затратами энергии, капитала и труда к обществу с высокоразвитой технологией, для которого главными ресурсами являются информация и технологические нововведения, неминуемо появляются новые научные концепции возникновения и эволюции мира.

Одной из таких концепций является теория о полной энергии системы советского химика Н.И. Кобозева. Но прежде чем говорить об открытии Н.И. Кобозева, необходимо упомянуть теорию П. Тейяра де Шардена о возникновении и развитии жизни. Как ни странно, концепции французского священника-иезуита и советского ученого где-то перекликаются. По Тейяру, в природе существует два типа энергии. Первый тип – это энергия в общепринятом ее понимании, которую он назвал тангенциальной. Она связывает данный элемент со всеми другими элементами того же порядка, т.е. той же сложности и той же «внутренней сосредоточенности». Она энтропизируется, т.е. может теряться в виде теплоты. Тейяр отлично понимал, что признание только одной этой энергии неизбежно приведет к признанию тепловой смерти Вселенной. Противодействует этому, по Тейяру, наличие в природе другого вида энергии – радиальной, которая влечет элемент «в направлении все более сложного и внутренне сосредото-

точенного состояния» [11. С. 61]. То есть он признавал наличие в природе особой формы энергии, характерной для живых систем, определяющей их стремление идти вперед, стремление к эволюции, прогрессу, а не к тепловой смерти. Без сомнения, П. Тейяр де Шарден был большим гуманистом, задумывающимся о судьбе планеты и отдельного человека, но надо признать, что его благородные стремления – это попытка объединить представления верующего человека с современной наукой.

Если у Тейяра речь идет о двух типах энергии, то у Н.И. Кобозева – о существовании и функционировании двух типов единой энергии, о «полной энергии системы», включающей динамическую энергию и векторизующий потенциал (радиальная энергия, по Тейяру). Он ввел новый взгляд на энергию: «...энергия – это не только способность совершать работу, но также способность создавать и изменять любые виды порядка в природе» [12. С. 36]. Тем самым Н.И. Кобозев изменил определение энергии классической механики и придал ей характеристики не только реализации и достижения в эволюционных изменениях мира, но и характеристику возможного.

Таким образом, Н.И. Кобозев – один из тех ученых, кто актуализировал опущенную в свое время семантику категории Аристотеля, который рассматривал не только пару энергия – энтелехия, но и пару потенция (возможность) – энергия. Рассуждение об энергии как о «потенции движения» и было востребовано наукой в XX в. Не зря встречается апелляция к Аристотелю в концепции И. Пригожина: «Теория диссипативных структур сближает нашу позицию с позицией Аристотеля» [13. С. 229].

Основным значением, определяющим смысл понятия синергии, является не только слово «энергия», но и слово «совместность». Поэтому в открытых системах, изучаемых в синергетике, скорее всего это будет совместное, согласованное, синергичное взаимодействие внутренних и внешних энергий. Описание такого взаимодействия дает Эрвин Ласло: «Поток энергии, проходящий через неравновесную систему в состоянии, далеко от равновесия, приводит к структурированию системы и ее компонент и позволяет системе принимать, использовать и хранить все возрастающее количество свободной энергии. Одновременно происходит увеличение сложности системы» [14. С. 118]. Это описание можно рассматривать как краткое резюме основного содержания синергии в синергетике.

Все указанные здесь свойства можно также найти в списке из десяти «ключевых положений, раскрывающих сущность синергетики», которые сформулировал Г. Хакен в 1999 г. в интервью Е.Н. Князевой; сравним: «При рассмотрении физических, химических или биологических систем речь идет об *открытых системах*, далеких от теплового равновесия», эти системы «состоят из нескольких или многих одинаковых или различных частей, которые находятся во *взаимодействии* друг с другом; эти системы являются *нелинейными*; эти системы подвержены внутренним и внешним *колебаниям*; системы могут стать *нестабильными*»; в них «происходят *качественные изменения*»; в этих системах обнаруживаются *эмерджентные* новые качества; возникают *пространственные, временные,*

пространственно-временные или функциональные структуры» [1. С. 55]. Теперь можно представить, какие синергетические теории, описывающие системы и процессы, соответствующие вышеназванным характеристикам, следует относить к синергичным.

Представляется, что на первое место можно поставить теорию лазерного излучения, основанную на том, что Г. Хакен называл «лазерной парадигмой». Этот пример он многократно использовал для иллюстрации принципов своей науки. Суть парадигмы в том, что накачка, вводимая в систему извне, если система выведена из теплового равновесия, приводит к появлению излучения высокой когерентности (лазерного излучения). Это идеальный пример синергии в синергетике: накачка есть фактор внешней энергии, и «лазерная парадигма» описывает, как действие этого фактора, т.е. встреча внешней и внутренней энергии – синергия, в атомной системе, выведенной далеко из состояния равновесия, рождает качественные изменения, такие как появление новых структур и установление динамики самоорганизации. Г. Хакен приводит подобные примеры, которые он обнаруживает в физике (нагревание и понижение температуры ферромагнетиков), в химии (реакция Белоусова – Жаботинского), в биологии (временные колебания численности американских зайцев-беляков и рысей), в физиологии (эмбриогенез) [2. С. 17–30].

Другой пример – широкий класс динамических систем, где порождаются так называемые диссипативные структуры, «поведением» которых занимается Брюссельская школа И. Пригожина. И. Пригожин связывает диссипацию с генерацией новых структур: «В сильно неравновесных условиях может совершаться переход от беспорядка, теплового хаоса, к порядку. Могут возникать новые динамические состояния материи, отражающие взаимодействие данной системы с окружающей средой. Эти новые структуры мы назвали диссипативными структурами, стремясь подчеркнуть конструктивную роль диссипативных процессов в их образовании» [13. С. 54]. По отношению к исходной структуре системы диссипативные структуры являются не просто новыми, но более упорядоченными и дифференцированными, и их формирование демонстрирует возникновение нового типа динамики: это структуры самоорганизации, и, по Пригожину, одно из их главных свойств состоит в высокой когерентности, взаимосогласованности поведения всех компонентов системы.

В обоих случаях динамика самоорганизации возникает за счет «взаимодействия с окружающей средой», то есть «встречи» внешней и внутренней энергии. Как лазерное излучение у Г. Хакена, у И. Пригожина также имеется эталонный пример, на котором он демонстрирует основные свойства диссипативных структур. Это – конвекция Бенара, феномен самоорганизующегося движения крупных молекулярных структур в жидкости с вертикальным градиентом температуры: когда градиент достигает некоторого порогового значения, возникает конвекция, и молекулы группируются в регулярные динамические паттерны, называемые ячейками Бенара; они демонстрируют непосредственно наблюдаемый пример динамики самоорганизации, порождаемой потоком внешней энергии (нагреванием жидкости). В организованной таким образом системе

устанавливается определенное соотношение между порядком и хаосом.

Итак, если конвекция Бенара – синергичный процесс, то понятие синергии объединило в себе оба аристотелевских значения энергии. Во-первых, энергию как деятельность, совершение работы и достижение какой-либо цели – энтелехию. В роли целевой причины здесь выступает синергетический аттрактор. И во-вторых, энергию как потенцию, возможность, непредсказуемость развития, что в синергетике принято называть бифуркационными ветвями.

Существует много видов систем с диссипативными структурами, и в них реализуется много типов процессов самоорганизации. Существенно, что во всех них обнаруживаются те же основные свойства, структурные и динамические, которые можно объединить в определенную динамическую парадигму. Эта «парадигма диссипативной самоорганизации» в существе своем та же, что «лазерная парадигма» Хакена; и можно сделать вывод, что синергия действительно присутствует в синергетике.

Таким образом, синергия в синергетике может быть соотнесена с греческим термином. С византийским богословским понятием соотнести ее труднее, хотя ясно, что в той и в другой области синергия сохраняет одно и то же ядро, базовую структуру из двух энергий, «внутренней» и «внешней», принадлежащих разным источникам и осуществляющих свою встречу и взаимодействие. Это согласованное взаимодействие ведет к структурно-динамическим изменениям во «внутренней» сфере. В области богословия эта базовая структура представлена Божественной и человеческой энергиями, встреча которых открывает путь к «обожению», онтологическому трансцендированию человеческого существа.

Как известно, христианство широко использовало и развивало телеологию Аристотеля, в связи с чем понятие энергии получило новое развитие до принципа Божественных энергий, который нашел свое отражение в исихазме. Энергия – ключевое понятие исихастской антропологии, а энергичность – главное определяющее качество всего православного мистико-аскетического мировосприятия. С одной стороны, исходя из двоякого толкования энергии у Аристотеля и рассматривая ее как деятельность, совершение работы и осуществленность предзаданной цели – энтелехию, исихасты понимали синергию как результат достижения определенного Идеала. Идеал с точки зрения православия – полное раскрытие образа и подобия Божия, соединение Божественных энергий с энергиями человеческими, т.е. можно сказать, что достижение синергии – «обожения» – это Божественный Идеал, по Аристотелю – это целевая причина, а с точки зрения синергетической теории – это простой аттрактор.

С другой стороны, энергия у исихастов означает не только оформление в некую законченную сущность-форму (энтелехию), связанную с достижением «обожения», но и исходный импульс, усилие, направляющееся к актуализации некоторой потенции. Цель вообще может отсутствовать или, точнее, быть как бы бесконечно удаленной: завершенность может обретаться уже не в границах данного горизонта реальности, а в трансцен-

дирующем преодолении этих границ. Главное в этом процессе не завершенность, а устремленность.

Учение о Божественных энергиях обосновал и провозгласил на Соборах православной Церкви в 1340–1360 гг. св. Григорий Палама. Какого же определения энергии придерживался Палама? Понятие энергии, с которым исихастский опыт не вступал в противоречие, определено и разработано в трудах Отцов Церкви, аксиоматическим источником для которых была философия Аристотеля и философия неоплатоников, хотя платонизм и неоплатонизм были преданы анафеме на двух Поместных Соборах в Византии в 1076 и 1351 гг.

Заполняя в телеологии Аристотеля наименее определенное звено о сущности и происхождении энергии, Плотин утверждал, что Первое начало есть высочайшая и вседовлеющая сила, или потенциальность, но не энергия. Но каким же образом, – спрашивал Плотин, – производится энергия, между тем как Единое остается тем же самым? И отвечал: «Есть энергия сущности, и есть энергия из сущности каждого (индивидуума). Энергия сущности есть сам индивидуум, взятый в своей актуальности; энергия из сущности с безусловной необходимостью должна быть другою по отношению к самой сущности. Так в огне есть теплота, происходящая от той, когда огонь развивает энергию, свойственную его природе как огня. Так и Единое сохраняет свой собственный характер, остается неизменно целостным, с присущей ему энергией. Но родившаяся из этой последней энергия, получив ипостась как бы от величайшей силы, развивается до бытия и существа» [15. С. 220–221]. Различия между сущностью и энергией есть вместе с тем и их нераздельное единство. «Мы не мыслим ее (энергию) как находящуюся вне существа Божия, но, зная ее как существенное и естественное движение Бога, говорим, что она происходит и истекает из Божественного существа, как из источника, и без него никогда не усматривается, но отдельно с ним пребывает и от вечности сосуществует с божественным существом и нераздельно с ним соединена» [16. С. 105].

Источник энергии в христианстве указан – сущность божья, т.е. Первое, из чего все происходит. Вслед за основным различием между сущностью и энергией как между причиной и тем, что этой причиной обусловлено, Палама указывал на другие важные отличия между ними: в то время как сущность является неделимой и непознаваемой, энергия делима и познаваема. Таким образом, Божественная природа, по учению Паламы, приобщается не в самой себе, а в своих энергиях, которые понимаются как многочисленные действия и проявления Бога.

Какими еще свойствами, кроме множественности, обладают Божественные энергии? В.Н. Лосский считал, что Божественные энергии – это атрибуты божества: «Премудрость, Жизнь, Сила, Любовь, Правосудие, Бытие, Бог, – и бесконечное количество других имен, которые остаются нам неизвестными, ибо мир не может вместить всей полноты Божественного проявления, раскрывающегося в энергиях...» [17]. Бог не видим и не постижим в своей сущности, и в то же время он видим и познается в своих действиях, или энергиях. Некоторые дополнительные свойства энергии можно выделить в связи с понятием «несозданного Боже-

ственного света», который, по учению Григория Паламы, является одной из энергий Бога. Этот несозданный Божественный свет в некоторых случаях как-то «выявляется вовне», из внутреннего переживания становится объективным явлением и даже приобретает некоторые свойства света видимого. Само видение света не является обычным процессом естественного зрения, но сверхъестественным благодатным.

Утверждение паламизма, что Бог непостижим по своей сущности, не означает, что человек вовсе не может познать его. С не меньшей силой и настойчивостью Палама говорит об «обнаружении» Бога в мире в его бесчисленных несозданных энергиях, о доступности в них Божества. В связи с этим «основная мысль учения Григория Паламы о Божестве может быть выражена как антиномичное утверждение полной неприступности, трансцендентности и “внемирности” Бога и вместе с тем Его самооткрытия миру, имманентности ему и реального Его в нем присутствия» [16. С. 80]. Следовательно, онтологическая динамика здешнего бытия есть динамика энергийного взаимодействия, соединения, синергии, «сорботничества» энергий здешнего бытия с Божественной энергией. Главное, что приобщение к Божественным энергиям дает человеку возможность реализации своих духовных идеалов, что напрямую соответствует аристотелевским понятиям энергия – энтелехия.

Это соединение, синергия или онтологическое трансцендирование человека невозможно только посредством собственной энергии человека и осуществляется лишь под действием Божественной энергии или благодати. Каким же образом достигается собственно синергия? Понятно, что «встреча» и «согласованность двух волей» разного онтологического статуса требует каких-то особых условий; и исихазму потребовалось несколько столетий, чтобы найти и освоить путь к синергии. В период так называемого Синайского исихазма (VII–X вв.) была открыта и разработана исихастская практика, служащая ключом к синергии. С.С. Хоружий, активно занимающийся изучением исихастской практики, отмечает, что исихастская практика имеет строение лестницы – «лествицы», ступени которой восходят от исходной ступени обращения и покаяния (ступень отрицания мирского образа жизни, или же Врата Духовные) к финальной ступени «обожения» [1. С. 22]. С некоторой степенью условности различаются следующие ступени: обращение и покаяние, борьба со страстями, безмолвие (исихия), сведение ума в сердце, непрестанная молитва, синергия, созерцание нетварного Света. В целом, исихастская лестница разделяется на две большие части, первая именуется Праксис (деятельность), вторая – Феория (созерцание).

Начальные ступени посвящаются преодолению всех установок, уклада, структур сознания, присущих мирскому образу жизни. Их цель – полная перемена, в которой человек отбрасывает прежнее обиденное существование и начинает устремлять все свои энергии к Богу. Хотя в этой начальной части синергия еще не достигается, но некоторое присутствие и действие благодати, пускай неявное, необходимо, чтобы стать на путь богоустремленности. Отметим, что православная и, в особенности, аскетическая практика покаяния – это

набор психофизических техник: наклонная сидячая поза, регулировка дыхания и движения крови, настойчивое напряженное самоосуждение, мучительные угрызения совести, сокрушение и скорбь, слезы, и все это – доводимое до самых крайних пределов, до таких самоутеснений – что все эти «покаянные труды» позитивистская наука рассматривала как род безумия. Но эти экстремальные и болезненные практики имеют очевидную синергетическую трактовку: «покаянные труды» выводят внутреннюю реальность человека из равновесного состояния; и тогда даже малое и неявное действие онтологически внешней энергии вызывает искомое переструктурирование. Чтобы «освободить» энергии, подвижнику-аскету приходится энергии связанные, зацикленные (исихасты их называют страстями) «размыкать», открывать замкнутое пространство внутренней человеческой энергийности, как бы подготавливая почву для соединения с другой (Божественной) энергией. Как известно, открытость системы – это уже одно из ключевых требований синергетики. С.П. Курдюмов и Е.Н. Князева открытость системы обозначают наличием в ней источников обмена веществом и/или энергией с окружающей средой [19].

Если же говорить про высшие ступени лестницы, то здесь действие «внешней энергии», то есть энергии, которая воспринимается человеком как не принадлежащая ему, а приходящая извне, делается все более и более явственным. На высших ступенях исихастская практика принимает специфический характер, отличающийся нарастающей спонтанностью. Возникают новые формы молитвы, иногда называемые «самодвижными» – происходящими «сами собой», без усилия человека. В это время состояние человека преобразуется в «состояние открытой книги», означающее, что сознание все и всецело, до малейших частей, открыто для встречи с внешней энергией (Божественной), которая является мгновенной и полной: иными словами, встреча здесь обращается в соединение. В терминах богословской парадигмы это значит, что практика здесь продвигается к «обожению». Происходит образование или «отверзание» новых возможностей человека, появляются «новые чувства», отличные от всех физических чувств (хотя сохраняют известное сходство со зрением, отчего исихасты называют эти чувства «созерцанием Фаворского Света»). В этом процессе – явные элементы синергетической парадигмы: все человеческое существо выведено из своего равновесного состояния; новая структура создается благодаря внешней энергии («свету небесному») и представляет собой динамическую форму нового типа. Здесь начинается целостное и фундаментальное преобразование человеческого существа, производимое Божественной энергией, которая действует в человеке, проявляясь явно и зримо в силу синергии.

Таким образом, все ступени исихастской лестницы включают в себе базовые структурные элементы: энергию Божественную и энергию человеческую. А вся исихастская практика представляет собой ступенчатое восхождение, в котором базовые структурные элементы остаются инвариантными, а каждая следующая ступень создает более дифференцированную и упорядоченную динамическую форму. Это описание соответ-

стует динамике самоподобия. Поэтому можно сказать, что высшие ступени исихастской практики воспроизводят один из основных синергетических паттернов (представленный, в частности, в детерминистском хаосе): спонтанную генерацию самоподобных динамических структур.

Синергия непосредственно связана с проблемой свободы человеческой воли. Человек, благодаря свободе, дарованной ему Богом, может по-разному понимать свободу и по-разному достигать этой свободы. А направленность человеческой воли к Богу и открытость сердца к принятию благодати – это только один из путей ее достижения. Это также дает возможность говорить о синергетическом подходе, для которого свойственна нелинейность системы и ее самоорганизация. Нелинейность в математическом смысле означает, что «нелинейные уравнения могут иметь несколько (более одного) качественно различных решений. Отсюда вытекает физический смысл нелинейности. Множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями (нелинейной системы). ...В мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, альтернативности путей развития и идеи выбора из данных альтернатив» [19].

Нелинейность процесса достижения синергии ясна сразу. Энергетическая связь отличается от сущностной связи несравненно меньшей жесткостью, обязательностью и предсказуемостью. Главное свойство этой связи – свобода. Синергия может достигаться либо не дости-

гаться, никакая предрешенность и предопределенность в этом невозможна. И выбор в пользу стяжания благодати – это не внешнее принуждение, а свободное побуждение аскета-подвижника. Если один из двух определяющих факторов синергии – свобода, то процесс ее достижения всегда открыт. И хотя Божественные энергии, согласно исихазму, как потенция, как скрытая возможность соработничества присутствуют в человеке всегда, достижение синергии зависит от свободной воли человека. А нарушение синергии, «выпадение» из нее возможно и характерно для здешнего бытия несколько не меньше, чем поддержание синергии, требующее непрестанного усилия.

Таким образом, можно сказать, что в теоретических положениях исихазма используется Аристотелева трактовка понятия энергии как промежуточного звена между потенцией и энтелехией, но несколько смещается смысл энергии в сторону от энтелехии к потенции, усиливая момент недовершенности, имеющийся в семантике этого понятия. А высшие ступени исихастской практики – это явление, где присутствуют оба варианта синергии: богословский и синергетический. Наличие общей «территории» [18. С. 19], где эти варианты совпадают, позволяет говорить о существовании некоей универсальной категории синергии, что дало возможность использовать ее в далеких от богословия сферах, где присутствуют нелинейные открытые самоорганизующиеся системы. А принцип синергии оказывается одним из механизмов развития самоорганизующихся систем, изучаемых уже в синергетике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хаген Г.* Интервью с Е.Н. Князевой // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 53–61.
2. *Хаген Г.* Синергетика. М.: Мир, 1980. 406 с.
3. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика // Электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev4_HistEst/index.php (дата обращения: 10.01.2012).
4. *Узкова Е.С.* Категория «энергия» и ее современное понимание: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. 155 с.
5. *Аристотель.* Метафизика // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975–1984. Т. 1. С. 65–368.
6. *Васильева Т.В.* Афинская школа философии. М.: Наука, 1985. 160 с.
7. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
8. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 544 с.
9. *Уайт Л.* Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 439–465.
10. *Овчинников Н.Ф.* Понятие массы и энергии в их историческом и философском значении. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 184 с.
11. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
12. *Кобозев Н.И.* Избранные труды: в 2 т. М.: МГУ, 1978. Т. 2. 336 с.
13. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
14. *Ласло Э.* Век бифуркации: постижение меняющегося мира // Путь (Москва). 1995. № 1. С. 3–129.
15. *Болтов В.В.* Собрание церковно-исторических трудов. Т. 1: Учение Оригена о Св. Троице. М.: МАРТИС, 1999. 583 с.
16. *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Ангелы и бесы в духовной жизни // Богословские труды. 1952–1983 гг. Нижний Новгород: Издательство Братства во имя Святого князя Александра Невского, 1996. С. 69–112.
17. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия восточной церкви // Библиотека «Вехи». 2001. URL: <http://www.vehi.net/vlossky/index.html> (дата обращения: 10.01.2012).
18. *Хоружий С.С.* Что такое synergeia? // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 19–37.
19. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Start1N.htm> (дата обращения: 12.01.2012).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 февраля 2013 г.